В110 4/121

Смерть немецким оккупантам!

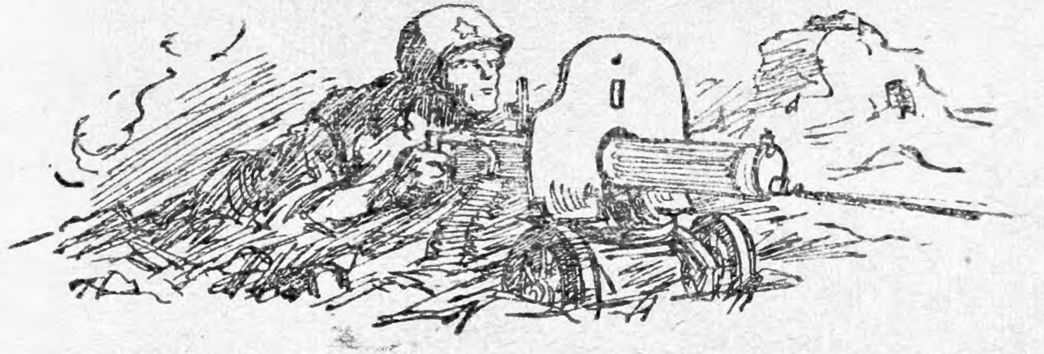
ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М. ТЕВЕЛЕВ

ИВАН БОГАТЫРЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
1943

Фронт. б-ка



Иван Богатырь покидал Одессу одним из последних.

День был ясный, солнечный и тихий, только иногда тишину нарушали одинокие выстрелы орудий.

Богатырь шел, глядя по сторонам воспалёнными от бессонницы глазами. Рядом с ним шагали его друзья — Николай Долгов и Иосиф Петренко. До сих пор ни он, ни они не знали горечи отступления; где-то на фронтах с боями отходили их друзья и братья, они читали об этом, печалились, становились злее и молчаливее, но только сейчас, покидая Одессу, они сами почувствовали, что это такое.

Они уходили из города, который стал родным и близким. По этим улицам гуляли они свободными вечерами, у этого голубого киоска ели ореховое мороженое, вон в том кино, что на углу, смотрели в последний раз картину, кажется... «Большой вальс», и девушки, с кото-

Государственная публичная историческая библиотека
783366

рыми встречались, жили где-то близко, вот в этих домах.

Богатырь шёл и читал названия улиц, он знал их, но всё равно читал. Он представлял себе, как немцы или румыны, быть может, завтра уже, заменят эти надписи своими. На лестницах, стремянках будут стоять немцы и срывать эти дощечки... Крутая ярость, смешанная со стыдом и щемящей обидой, закипала в нём...

Катера держали курс на Севастополь. Богатырь, Петренко и Долгов глядели с кормы на Одессу. Теперь она видна была вся, белая, залитая щедрым солнцем, такая прекрасная, как никогда раньше.

— Одесса, ненька моя, — тихо шепнул Петренко и заплакал. Он плакал, не стыдясь своих слёз, почти в голос.

Одесса удалялась всё больше и больше, уже слились в одно белизна зданий и зелень её садов, лишь синеватая полоска берега долго виднелась вдали, наконец, и она исчезла.

* * *

В трудные дни испытаний, когда стоишь на пороге неведомого и когда переступаешь этот порог, всегда приходит на память счастливая пора жизни.

Село, утопая в садах, тянулось по самому берегу Мокрой Суры (есть такая река, впадающая в Днепр). Нет лучшего села, или, может, так казалось сейчас Богатырю...

В комнате стоял сундук, обыкновенный, окованный железными обручами сундук, какие можно встретить в каждой хате. Однако этот сундук привлекал Ивана больше всего на свете.

Служил когда-то на броненосце Потемкине широкоплечий, ладный матрос Иван Иосифович Богатырь. Мечтал Богатырь о лучшей доле, водил дружбу с самим Матюшенко, и, когда вспыхнуло на броненосце революционное восстание, в первых рядах его был Богатырь. В молодой душе его жила тогда наивная, но мужественная вера, что теперь конец всем мытарствам, горю, невзгодам, что светлая доля, как зорька, занялась над родимой землей. Но не так пошло, как думалось и хотелось. Ушёл броненосец от родных берегов в румынский порт Констанцу, потом арест, тюрьма, угроза смертной казни, побег... Но вера не гасла; матрос-потёмкинец прошёл с нею через огни революции, гражданской войны и, когда была завоевана лучшая доля, в родное село, в родную хату принёс Богатырь как память о своей матросской славе флотский бушлат, тельняшку и бескозырку. Жинка вычистила обмундировку, пересыпала её махоркой, чтобы не поела моль, и уложила на самое дно расписанного узорами сундука.

Раз в году, в погожий день весны, когда ещё не успевали уплыть в Днепр последние льдинки с Суры, содержимое сундука выносили для проветривания во двор. Весть об этом мгно-

венно облетала всех ребятишек. Они повисали на плетнях богатырского двора и молча и восторженно глядели на развивающиеся тельняшку, брюки, бушлат и бескозырку. Даже взрослые и те норовили пройти мимо, чтобы взглянуть на обмундировку матроса.

Ребятишки висели на плетнях целый день, до позднего вечера. Шумные и задиристые, тут они благоговейно молчали, только один паренёк, чуть постарше Ивана, Иосиф Петренко, бродяжничавший по Черноморью, а затем поселившийся у дядьки на селе, считал своим долгом разговаривать.

— Шикарная формёнка, — говорил он. — Моряки вообще народ шикарный. И знаете, где это все было? — У нас в Одессе. А-ну, кто из вас бывал у нас в Одессе? Шикарный город, такого города нету даже в Америке.

Иван слушал рассказы Петренко с волнением, и ему казалось, что нет одежды прекрасней, чем отцовская формёнка. «Хотя бы разок надеть её», — мечтал мальчик.

Однажды, когда мать отлучилась из дому, Иван заметил на подоконнике забытый ею ключ от сундука. Он открыл сундук и дрожащими от волнения руками вытащил формёнку. И пусть бушлат висел на нем, как на палке, пусть непомерно длинны были брюки и бескозырка сползала на глаза, но всё же на нём была настоящая обмундировка матроса-потёмкинца!

И вот много лет спустя посреди мощеного

двора погранотряда, как некогда посреди горницы, стоял двадцатилетний Иван Богатырь. Была на нем пригнанная по росту краснофлотская формёнка, и каждый мог сказать, что он боец морской пограничной охраны, потому что так было написано золотом на чёрном околышке его новенькой бескозырки.

Граница! Она привлекала его и пугала одновременно своей неизведанностью. Как встретит она его, когда он выйдет в первый свой наряд?..

— Богатырь, Ваня!.. Каким ветром?..

Ох и была радость, когда, обернувшись на оклик, он увидел Петренко. Ну, да, это был Иосиф Петренко, который вместе с ним купался на Суре, удил рыбу, таскал арбузы на баштанах, а потом, уехав из села, сгинул, точно в воду.

Он шёл через двор, чуть покачиваясь, как старый моряк, и улыбался своей широкой, какой-то особой заражающей улыбкой.

Они обнялись и расцеловались.

— Вот где свиделись, — сказал Богатырь. — Ты давно на границе?

— Я здесь старожил, — ответил Петренко, — а вот ты как сюда?..

— По спецнабору, — сказал Богатырь. — Вызвали в комиссию, спрашивают: «Куда хотите?» Ну, я и сказал: батька был моряком, и меня давайте на море.

В сумерки дождливого дня Богатырь вышел в свой первый наряд на границу вдвоём с Пет-

ренко. Старшим наряда был Иосиф. Они зарядили автоматы, и дежурный скомандовал им:

— На охрану государственной границы, шагом марш!

Эта первая команда на всю жизнь осталась в памяти Богатыря.

Они пересекли шоссе и углубились в буйную заросль кустарника. Было холодно и мокро. Богатырь поднял капюшон плаща и поглубже надвинул его на голову. Петренко, заметив это, строго спросил.

— А слушать кто будет?

Ивану стало неловко, и он поспешно сбросил капюшон.

Петляя по кустарникам, они, наконец, выбрались на крутую скользкую тропинку и спустились по ней к морскому берегу.

— Ну, — сказал Петренко, — вот и граница, — край страны.

Шумел дождь. Лениво и глухо билось о прибрежную гальку море.

«Край страны», — повторил про себя Богатырь и почувствовал, как сильно защемило сердце. За его спиной лежала огрсмная страна, шумная, залитая вечерними огнями, его, Ивана, родина, и родина Петренко, и родина миллионов людей. Он даже обернулся, чтобы увидеть её...

— Ты что это? — тревожно спросил Петренко.

Иван смутился.

— Я про то, Оська, подумал, какая у нас страна...

— Ну и зря, — сердито сказал Иосиф, — ты сейчас не думай.

— Как это! — обиделся Иван.

— Ты не думай, — повторил Петренко. — Ты слушай и поглядывай. Ясно?

— Ясно, — буркнул Иван.

— Пошли...

И они пошли под моросящим дождем, по самому краю родной страны.

В этот день Богатырь решил подать заявление в комсомол.

* * *

Сотни немецких бомбардировщиков висели над узкой полоской суши и бомбили её день и ночь. До самого неба стояла над Перекопом стена вздыбленной сухой земли. Солнечный свет померк. Бойцы дрались без сна и отдыха, без воды. Земля забивала уши, носы, она хрустела на зубах, она была везде.

Тяжелы и горьки дороги отступлений, бесконечными кажутся их дни и ночи, горек на привалах хлеб. Ни улыбки, ни шуток, ни костров, ни задушевных бесед.

Богатырь с Долговым были неразлучны. Их дружба началась ещё до войны, в одесской школе оружейников, куда был послан Богатырь из погранотряда. Петренко был в другой роте. Иногда Богатырю с Долговым удавалось переброситься с Петренко словами.

— Живой?

— Живой. А вы?

— Как видишь.

И расходились.

Вместе с Богатырем и Долговым воевал их одесский пулемёт. Пулемёт этот был ими же возвращён к жизни. Он был в таком жалком состоянии, что в школе оружейников все махнули на него рукой. Богатырь с Долговым упорно работали над «калекой», пока не добились своего. С тех пор они с ним не расставались. Это был испытанный, но уже дряхлеющий друг. Богатырю давно предлагали сменить его на новый, но он не соглашался.

— Мы ещё с ним повоюем.

Иногда пулемёт на какое-то мгновение смолкал, но Ивана это не смущало, он только встряхивал его как-то по особому.

— Ну, поговори ещё, дружок. Ну, совсем трошки. — И пулемёт точно слушался его и начинал говорить таким обстоятельным баском, что немцам становилось не по себе.

После Одессы Богатырь осунулся и похудел. Жизнь, которая раньше казалась ему простой и ясной, вдруг обернулась совсем другой стороной. Он узнал, что такое человеческое горе. Он видел смерть и разрушение, которые нёс с собой немец. И Богатыря неустанно мучил вопрос: что надо сделать для того, чтобы все изменилось? Что лично он, комсомолец, должен сделать? Он ни с кем не говорил об этом,

потому что некогда было разговаривать: бои на Перекопе, под Армянском, Симферополем, Ялтой...

Под Гурзуфом Богатырь и Долгов обосновались со своим пулемётом на чердаке одного опустевшего домика. Кругом валялась битая утварь, ломаные венские стулья, а по середине чердака стоял протертый клеенчатый диван с выскочившими наружу ржавыми пружинами.

В этом домике жили люди; мебель ветшала; её выносили на чердак и вон в том универмаге, за которым засел со своим пулемётом Петренко, покупали новую. Где теперь эти люди? По каким дорогам бредут они?

Богатырь подпустил немцев на близкое расстояние и жестоким огнем сразил их первые ряды. Немцы метнулись назад и залегли.

— Прижмём их,— крикнул Долгов.— Пусть тычутся мордами в землю!

— Да, да, — рассеянно сказал Богатырь. В эту минуту он вдруг понял, что дело не только в том, чтобы прижать немцев и не пропустить их вперёд, а в том, чтобы убивать их как можно больше. Убивать нещадно, везде и всюду, и это должно быть главным сейчас в жизни. Надо воевать во всю силу, ничего не тая, ничего не жалея, отдавать себя всего, без остатка, чтобы ни один час, ни одна минута не пропадали даром. Надо воевать хитро, рассчетливо, прикидывая, что к чему, и жить, обязательно жить, но не для того, чтобы как-нибудь на горбе дру-

Герой Советского Союза
ИВАН БОГАТЫРЬ

гого выбраться живьём из войны, а для того, чтобы самому убивать немцев.

Пулемёт смолк.

— Ты чего это?— тревожно спросил Долгов.

— Подождём, — спокойно бросил Богатырь.

Пулемёт молчал. Немцы осмелели и подняли головы. Богатырь попрежнему выжидал. Но лишь только приободрившиеся фашисты сделали шаг вперёд, Иван снова резанул по ним очередью. Десятка два солдат рухнуло на землю.

— Хорошо,— сказал Николай и впервые за долгое время улыбнулся.

Пулемёт замолчал снова. Теперь Богатырь позволил немцам сделать шагов двадцать. Гитлеровцы шли, вобрав головы в плечи. Они искали глазами пулемётчика, мешавшего их продвижению. Богатырь терпеливо ждал. И когда шаг их стал бодрее и тощий офицер замахал руками, в третий раз полоснула огневая строчка. Это была рассчётливая, спокойная работа.

Бой кипел везде: на подступах к селению, на шоссейной дороге и у соседней высоты, где дрался второй батальон. Богатырь и Долгов, словно с командной вышки, видели всю картину боя.

Прошёл час, и у друзей стали иссякать боеприпасы. Пулемётные очереди стали короче и реже.

— Пойду добывать,— сказал Долгов.

— Ладно, давай, — согласился Богатырь.

Долгов спустился вниз. Короткими перебежками он добрался до угла, за которым сидел со своим расчётом Петренко.

— Как дела?— спросил Петренко.

— Воюем,— ответил Долгов,— только с боеприпасами труба, не поделишься?

— Бери, — сказал Петренко. — Вот всё, что видишь.

— Маловато,— буркнул Долгов,— чего тут! Пойду добывать дальше. Пока!

И, махнув на прощанье рукой, он побежал вниз, по спуску, заросшему кустарником.

Бой стих, но ненадолго. Через полчаса он вспыхнул с большей силой. Между селением и высотой, которую защищал второй батальон, неожиданно вклинилось до полка немецкой пехоты. И в этот образовавшийся коридор хлынули немецкие танки. Второй батальон оказался отрезанным от основной группы. Немцы окружили высоту. Они вели бой на уничтожение батальона. Богатырь видел, что произошло. Ярость овладела им, но он был бессилен помочь попавшим в смертельную беду товарищам. Долгов всё не шёл. Осталась одна лента. Богатырь повернул пулемёт и стал бить по дороге. Но на середине последней ленты пулемёт смолк. Опытным чутьём оружейника Иван понял, что пулемёт уже дожил свой век. Долгов, где ты Долгов? Скрипнули ступени. Богатырь обернулся. На чердаке потный, весь в пыли и гари, стоял Петренко.

— Видел?— спросил, задыхаясь, Петренко и кивнул в сторону высоты.

— Видел,— чуть слышно ответил Богатырь.— Где Долгов? Он был у тебя?

— Был,— тихо сказал Петренко и потупился.

Тревога пробежала по лицу Богатыря. Он вскочил и бросился к Петренко.

— Ты что, а?

Петренко молчал, не поднимая глаз.

— Что ты знаешь?— повторил угрожающе Богатырь.— Ну?

— Долгов пошёл во второй батальон, он там, на высотке, — сказал Петренко и отвернулся.

Воцарилось молчание. Глаза Богатыря сузились. Он бросился к слуховому окну, стал всматриваться вдаль, где кипела рукопашная. Петренко подошел к Богатырю, осторожно тронул его за плечо.

— Ваня, слышишь меня, Ваня? Есть приказ уходить.

Они молча спустились вниз. Пулемёт остался на чердаке. Богатырь в последний раз взглянул на слуховое окно, из которого чуть виднелось его дуло.

— Я его и таким, мертвым, не отдам немцу,— глухо сказал Иван. Он снял с пояса гранату и швырнул её в слуховое окно.

Друзья прошли к Ялте. О Николае Долгове они больше не слыхали.

* * *

Прошла зима, совсем не похожая на благодатные зимы юга. Дули в ту зиму злые, пронзительные ветры, обжигали морозы. На ветру, на морозе, под немецким огнём советские воины долбили кирками неподатливую землю, рвали аммоналом камень.

На высоте 96 обзавёлся своим хозяйством пулемётный взвод Ивана Богатыря. Высота эта служила ключом к целому району. Отсюда, по склонам, были хорошо видны виноградники совхоза «Благодать», Балаклава — маленький рыбачий городок у голубой бухты, дорога на Севастополь.

На высоте выстроили три долговременные огневые точки — центральную и две боковые, а между ними промежуточные, земляные; все они сообщались между собой глубокими траншеями и были сооружены наславу.

Немцы наступали на Севастополь. Шли беспрерывные, изнурительные и кровопролитные бои. Богатырь водил своих бойцов в контратаки, в разведки, в рейды по вражеским тылам, он дрался со всей комсомольской страстью.

То, что он понял тогда под Гурзуфом, когда стоял у пулемёта на чердаке покинутого дома, крепко врезалось в память. Убивать немцев всегда и всюду — он повторял это неустанно как клятву. И в часы затишья между боями, когда пулемёт умолкал и когда не посылали

Ивана в разведку, стал он со снайперской винтовкой выслеживать фрицев. Семьдесят два гитлеровца полегли под огнём его винтовки. Но и это не успокоило Богатыря. Он обучил снайперскому искусству сто тридцать бойцов. Вдохновлённые своим учителем, ученики уничтожили больше тысячи гитлеровцев.

Так выполнял свою клятву комсомолец Иван Богатырь, отдавая всего себя, без остатка, священной войне.

Петренко воевал теперь во взводе Богатыря. Памятный день под Гурзуфом, когда потеряли они Долгова, сблизил их ещё больше.

Штурм начался седьмого июня утром. Он длился целыми днями, стихая к ночи и вспыхивая с новой силой на рассветах восьмого, девятого и десятого.

Одиннадцатого было так спокойно и так тихо, что усталым людям показалось, будто гроза миновала и всё обошлось.

Наступило двенадцатое июня. Только что взошло солнце, и с моря неохотно стал уходить ночной туман. Он медленно поднимался кверху, таял в воздухе, открывая за собой зеленоватую гладь спокойного водного простора.

В центральном доте уже не спали. Пристроившись у амбразур, у выхода в траншею, бойцы брились перед маленькими зеркальцами, пришивали к гимнастёркам свежие белые воротнички, которые так быстро пачкались в летнюю жаркую пору.

Пропищал полевой телефон. Богатырь снял трубку. Это звонил Петренко из левого дота.

— Доброго утра, Иван. Как спалось?

— Лучше не надо,— ответил Богатырь.— А тебе?

— Мне сны снились,— сказал Петренко.— Вареные раки. Это к чему, не знаешь?

— Бог их знает, к чему,— усмехнулся Иван.— Вроде, говорят, к богатству.

— Вот ещё,— хмыкнул Петренко.— Мое жалованье известное...

— Ну, тогда комиссара спроси,— шутливо посоветовал Богатырь.

— Это резон, — согласился Петренко. — Ну, пока, Иван. Приходи в гости, утро-то какое сегодня!

— Да, замечательное,— сказал Богатырь.— Приду непременно. Будь жив.

Он положил трубку и стал добривать намыленную щеку.

И в этот тихий час благодатного июньского утра снова начался штурм. Воздух сразу наполнился гулом и громом. По высоте начали бить пушки всех калибров — от дальнобойных тяжеловесов до лёгких горных орудий. Снаряды рвались на гребне, на склонах, в виноградниках. Они ломали и крошили виноградную лозу, на которой уже появилась завязь.

— Вот это, хлопцы, началось!— сказал Богатырь и почувствовал, как томительный холодок подступил к сердцу.

Иван бросился к амбразуре. На вражеской стороне было тихо и безлюдно, но он знал, что там, в окопах и лощинах, притаились тысячи вражеских солдат, приготовившихся к атаке.

Богатырь оглянулся. Бойцы были уже на своих местах; они прислушивались к тому, что творилось вокруг, а вокруг бушевал ураган щебня и раскалённого металла.

Богатырь не помнил, испытывал ли он когда-нибудь нечто подобное. Он перебирал в памяти все бои, в которых ему приходилось участвовать, вспоминал Одессу и Перекоп, но всё это меркло, по сравнению с тем, что приходилось испытывать сейчас.

— Что это будет?— тяжело вздохнул высокий, краснолицый боец.

— Чтобы без паники,— строго сказал Богатырь и пошел звонить в боковые точки. В левой все обстояло благополучно, в правой осколками тяжело ранило двоих.

Три долгих часа длилось это артиллерийское неистовство, и вдруг все оборвалось, точно лопнуло что-то в ушах.

Богатырь приоткрыл дверь в ход сообщений. Густая белая пыль хлынула в дот, заволокла всё, и не успела она улечься, как снова загрохотало. Теперь снаряды рвались на подступах к высотам.

Вдруг кто-то крикнул:

— Идут!

Богатырь быстро подошёл к амбразуре. По долине, где ещё так недавно было безлюдно, извиваясь, двигались серые немецкие цепи. Они шли быстро, под прикрытием артиллерийского шквала.

— Приготовиться!— крикнул Богатырь.

Автоматчики выбежали из дота и заняли свои места в траншеях; пулемётчики встали у пулемётов.

— Давай!— протяжно пронеслось на высоте.

И с этой минуты исчезло всё, остался только ураган огня; он буйствовал теперь на огромном пространстве. Всё смешалось в его гуле — крики немцев, слова команды, стоны раненых и хрип умирающих.

Около часу дня в центральный дот вбежал запыхавшийся боец. Брови его были опалены, гимнастёрка изорвана и запачкана кровью.

— Петренко помирает,— крикнул он.

Богатырь оторвался от пулемёта и ничего не понимающим взглядом посмотрел на бойца.

— Что ты сказал?— спросил он, сам не узнавая своего голоса.

— Петренко помирает,— ногу оторвало.

— Врёшь! — крикнул Богатырь и кинулся вон из дота.

Он бежал по траншее, не пригибаясь. Пули взвизгивали над головой, его обдавало щебнем и землёй.

Иван не сразу нашел Петренко. Тот лежал в

дальнем углу на подстилке из сухого вереска, накрытый окровавленной шинелью.

Богатырь подошел к нему на цыпочках, точно боясь разбудить спящего. Широкое смуглое лицо Петренко как-то сузилось и посерело, глаза чуть теплились.

— Вот недоразумение, — сказал Петренко, — умираю.

Богатырь взял руку товарища и осторожно стал гладить её.

— Тебе больно?— спросил он после минутного молчания.

Петренко закрыл глаза. Вдруг он освободил руку и, не открывая глаз, попросил:

— Поцелуй меня на прощанье, друг...

Богатырь наклонился, и они поцеловались.

— Ты меня помни, Ваня,— и когда старым будешь, помни. Слышишь?

— Слышу,— ответил Богатырь и заплакал. Он плакал, не отворачиваясь, глядя сквозь слезы на умирающего.

— Чего ты плачешь, дурной,— чуть улыбнулся Петренко.— Я ж не помру, это я пошутил...

Он приподнялся, трепетным, уже ничего невидящим взглядом обвёл все вокруг, глотнул воздух и упал.

— Кончился,— тихо сказал рядом стоящий боец и прикрыл лицо Петренко зеленой, выгоревшей на крымском солнце фуражкой.

Атаки следовали одна за другой. Связь была

нарушена, и её уже нельзя было восстановить. Падали сражённые насмерть бойцы, тихо стонали раненые, никого не зовя на помощь; они знали, как дороги сейчас в обороне люди.

Богатырь не отходил от пулемёта.

Около трёх часов сообщили, что левый дот разбит и весь расчёт погиб.

— Как правый?— спросил Богатырь.

— Десять человек держатся.

Богатырь уступил свое место у пулемёта второму номеру и пошел в правый дот, чтобы приободрить людей. Но только вышел он, как дальнобойный снаряд ударил в амбразуру правой точки. В доте из десяти человек, о которых ему только что доложили, в живых осталось пятеро. Пулемёт молчал. В чём дело? Иван бросился к пулемёту. Пока он искал причину задержки — из пятерых трое уже лежали мёртвыми, несколько пуль чиркнули по его стальной каске. Но вот задержка устранена, пулемёт заработал. Немцы сразу отхлынули, оставляя на камнях убитых.

— Кто в живых? — крикнул Богатырь, не оборачиваясь.

— Я,— послышалось в ответ.

— Один?— спросил Богатырь.

— Один,— ответил боец с лицом в кровоточащих ссадинах.

— Сможешь?

— Смогу.

Богатырь улыбнулся ему.

— Держись, браток.

— Есть держаться,— сказал боец.

Богатырь вышел из дота. Навстречу ему бежал краснолицый пулемётчик, который был у него вторым номером. Центральный дот молчал.

— Что там стряслось?— крикнул Богатырь.

— Я один, — ответил пулемётчик.

— А остальные?.. Где остальные?— спросил Иван.

Боец не ответил.

Богатырь понял. Остальных больше нет. Надо скорее туда. Но не успел он сделать несколько шагов, как позади рвануло со страшной силой и горячая, твёрдая волна обрушилась на Ивана.

Очнулся Богатырь от отдалённого перекатистого крика. Он приподнялся и почувствовал в правой части тела нестерпимую, тупую боль. Он попробовал шевельнуть правой рукой, рука едва повиновалась. Невдалеке лежал навзничь краснолицый пулемётчик, и на том месте, где недавно была правая огневая точка, громоздились груды вздыбленного камня.

Крик всё приближался.

Немцы поднялись в атаку.

Богатырь мог покинуть высоту — надо было только перевалить через гребень и, переползая от укрытия к укрытию, спуститься вниз, но сама мысль об этом показалась Богатырю постыдной.

«Всё равно я их сюда не пущу. Мёртвым буду, а не пущу».

Преодолевая боль, Богатырь побежал в центральный дот и встал у пулемёта. Он был один, один на всей высоте.

Немцы шли теперь во весь рост, уверенные в своей победе. Но двигались они уже не сплошной цепью, как раньше, а группами. Их было много, человек четыреста, и они шли к высоте, непрерывно стреляя.

Как справиться одному с этой тучей? Богатырь огляделся. Слева, метрах в ста пятидесяти, двигалась большая группа, остальные были дальше. Богатырь развернул пулемёт и косанул по левой группе. Огонь был настолько неожиданным и точным, что больше половины полегло на месте, остальные отпрянули назад.

— Подожди, не беги,— кричал Богатырь,— не дай бог, споткнешься!— и отпустил ещё одну длинную очередь в серые спины.

Немцы, выкрикивая ругательства, валились на землю за камни, за бугорки. Потом они вытащили пушку и установили её метрах в трехстах под прикрытием, недоступным огню пулемёта.

Первый снаряд ударил в стенку, второй и третий разорвались где-то позади, четвертый угодил прямо в амбразуру.

Богатырь почувствовал, как по его лицу ползёт что-то липкое и тёплое. Очевидно, осколками ранило голову.

Пушка била теперь точно по доту.

Немцы сначала ползли под прикрытием её огня, потом поднялись. Богатырь не стрелял.

— Посмотрим, кто хитрее,— проговорил он, вытирая с лица кровь, — посмотрим, посмотрим...

Семьдесят метров! Шестьдесят! Пушка смолкла: немецкие артиллеристы прекратили огонь, боясь поразить своих. Вот этого и ждал Богатырь.

И начался бой на короткой дистанции между одним пулемётчиком и целым батальоном.

Немецкая пуля перебила Богатырю левую руку, он застонал от боли, но, наспех перевязав немеющей правой рукой рану, снова припал к пулемёту. Он разворачивал его теперь грудью и нажимал на спуск с трудом двигающимися пальцами. Иван потерял представление о времени, он не мог понять, голоден ли, устал ли. Кровь, смешавшись с пылью, запеклась на лбу, на губах, на ресницах, а он всё стрелял и стрелял, и ему казалось, что даже мёртвым он будет стрелять.

Немцы падали на камни, в воронки, а оставшиеся в живых скапливались внизу и опять шли в атаку.

Внезапно атаки прекратились. Немцы, очевидно, решили обойти высоту с фланга. Триста автоматчиков двинулись узкой лощиной в обход. Но Богатырь во-время заметил их. Он был зорок, ночи на границе научили его настороженному вниманию.

— Огонь налево! — скомандовал он сам себе.

Около получаса смерч гулял по узкой лощине. Автоматчики метались. Из трёхсот чело-

век живыми ушло не больше сорока, и с высоты было видно, как бежали они, роняя оружие.

Вслед за сумерками пришла быстрая южная ночь, а бой всё не стихал, и лишь часам к двенадцати тишина упала на землю под Балаклавой.

Но Богатырь ждал. Ему чудилось, что вот-вот оживут эти камни на склонах. Да и камни ли это? При свете луны они казались притаившимися солдатами, ждущими только сигнала. Но никто не давал сигнала, никто не стрелял, никто не шёл.

Полоска лунного света проникла сквозь амбразуру в дот. В углу сверкнули серебряные ниточки паутины. Как появилась она здесь? Люди выдолбили в неподатливом крымском камне долговременную огневую точку, они пришли сюда воевать. И вместе с ними никем не замеченный пришёл обыкновенный, домашний паук. Люди отбивали атаки, падали, обливаясь кровью, а паучок ткал в углу свою паутину, как ткали его собратья где-нибудь в хатах и сараях, в стороне от войны. На Богатыря пахнуло чем-то забытым, далёким, но всегда желанным. Это была жизнь. И всё, что он делал в этой великой войне, осветилось вдруг каким-то внутренним светом. Он точно впервые понял самого себя, свою жизнь и важность своего дела. Это было рождение нового чувства — чувства гордости солдата. Он, комсомолец, Иван Богатырь, двадцати

трёх лет от роду, защищает свою страну, её жизнь, свободу. Вот сейчас на сопке под Балаклавой он один держит линию обороны. Позади — командные пункты батальона, полка, дивизии, Севастополь. Впереди — исступлённый немец. Да, он один, разбитый, израненный, изнемогающий от боли и усталости,— но немец не прошел.

У амбразуры стоит выбывший из строя пулемёт, нет больше ни гранат, ни патронов. А что если немец пойдёт ещё раз в атаку? Он ясно представлял себе, как свора солдат, выкрикивая своё излюбленное: «Рус, сдавайся!», ворвётся в дот. В плен они его не возьмут, это — дудки! Он умрет хорошо, честно, но он видел и то, что будет после его смерти, как пройдут серые немецкие цепи через гребень сопки. Какой кровью тогда остановишь их? Богатырю стало жарко, пот выступил на лбу. Он хотел стереть его, но не смог, обе руки висели, как плети: одна — перебитая немецкой пулей, другая — контуженная. Надо было бы сообщить на командный пункт батальона, что сопка воюет, что он, Богатырь, жив, держит оборону и ждёт подмоги. Но как сообщить, если связь давным давно прервана. Ракета... Он вспомнил, что ракетница в маленькой промежуточной земляной точке. Богатырь поднялся и, пошатываясь, превозмогая боль, двинулся к выходу. Только теперь Иван почувствовал, как он ослаб и как опасна эта слабость. Ветерок, казалось ему, мог повалить

его. «Только бы не упасть, только бы добраться до ракетницы, только бы не упасть, если упаду, не хватит сил подняться...»

Он вышел из дота. Над землей стояла лунная, зеленоватая ночь. С моря дул тёплый ветер. Где-то на флангах глухо били орудия, и в опустевшем полусожжённом селении надрывно лаяла собака. Свежий воздух одурманил Богатыря. Он прижался к стенке. В огневую точку, где лежала ракетница, вела глубокая траншея, но её уже не существовало. Снаряды и авиабомбы смешали камень с землей, от ходов сообщения не осталось и следа, а на ровных местах то тут, то там зияли огромные воронки, в которых могли вместиться целые дома.

Как трудно было итти, мешало всё, даже кинжал, висящий на поясе, казался непомерной тяжестью. Богатырь попытался снять его, но не смог, не было сил.

Где-то поблизости, то ли почудилось, то ли на самом деле, словно камень скатился вниз. Из воронки, что зияла метрах в десяти, вынырнула огромная фигура. Немец!.. да, немец... Он стоял перед Иваном — рослый, широкоплечий с засученными по локоть рукавами, чуть поддавшись вперёд точно готовый к прыжку. Луна осветила широкое, заросшее щетиной лицо немецкого офицера. Два смертельных врага стояли друг против друга. Один — здоровый, полный сил, другой — израненный, едва живой; один — вооруженный до зубов, другой — с одним кинжалом.

Горькая обида защемила сердце. Неужели для того прошёл он невредимым через десятки боёв, чтобы сейчас так глупо погибнуть? Неужели теперь немцы так просто, без единого выстрела, займут сопку, на которой пали все его товарищи, сопку, которую он один защищал в течение многих часов?

Желание жить с такой силой вспыхнуло в нём, что ему показалось, будто исчезла боль и он совсем здоров.

— Русский,— неожиданно спросил немец, ты один?

— Один,— зло ответил Иван.

Офицер взмахнул автоматом.

— Сдавайся, русский.

— Дурак,— ответил Богатырь и вдруг крикнул, что было сил: — Кат, ты зачем пришел?

В этом крике было столько ярости и презренья, что офицер испуганно отступил и быстрым, вороватым движением бросил гранату. Граната ударилась о камень и разорвалась. Осколки впились в ногу Богатыря, взрывная волна оторвала его от земли и швырнула вперёд, к офицеру. Иван упал на колени. Он попытался было подняться, но боль во всём теле сковала его.

— О, русский, ты живой?— спросил офицер и засмеялся негромким смешком выигравшего человека. Он смеялся над тем, что русский бессильно барахтается на земле и что теперь никуда не уйдёт.

И этот смех поднял Ивана. Собрав всю свою волю, он встал на ноги. Немец посмотрел на Богатыря удивлёнными глазами и, откинув чуть-чуть туловище назад, поднял автомат для удара. Но Иван предупредил его. Он устремился со всей силой вперед и грудью толкнул немца. Немец вскрикнул, упал, увлекая за собой Богатыря, и, уже падая, Богатырь контуженной рукой вырвал из ножен кинжал и всадил его в горло немца по самую рукоятку.

...Когда Богатырь очнулся, было уже утро. Он увидел знакомое лицо склонившегося над ним командира батальона.

— Как, Ваня, дела?— ласково спросил командир.

— Живу, товарищ майор,— ответил Богатырь и чуть улыбнулся.

Государственная публичная историческая библиотека

Редактор Рами Е. Р.
Технический редактор Стрельникова И. А.
Корректор Мусатова Е. А.

Г11100. Подписано к печати 15.10.43. Объем 1 п. л.
0,9 уч.-авт. л. Изд. № 57. Зак. 3015.

Типография «Известий». Москва. Пушкинская пл., 5.

ОИК-73881

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присылать отзывы на эту книгу по адресу:
Москва, Орликов пер. 3
Воениздат

Цена 15 коп.

1240